

DOI 10.15393/j9.art.2017.4363

УДК 821.161.1.09“18”

Елена Викторовна Белоусова*Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
(Ясная Поляна, Тульская обл., Российская Федерация)*

helenyaspol@yandex.ru

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Н. Н. ТОЛСТОГО «ПЛАСТУН»

Аннотация. В статье анализируется центральная проблематика повести старшего брата Льва Николаевича Толстого — Николая Николаевича Толстого — «Пластун»: судьба человека, украденного в детстве во время Кавказской войны и всю жизнь прожившего в плену. В центре повествования конкретный человек и в то же время обобщенный образ — на это указывает отсутствие у героя имени. Разные эпохи его жизни — от детства до зрелости — отмечены соответствующими прозвищами. Запорожец, заметивший в слушателе его истории — Н. Н. Толстом — сочувствие и интерес к его жизни, рассказывает ему о своем детстве и отрочестве. В детстве называли его Зайчиком. Повзрослев, он стал опытным охотником и знатоком повадок животных, за что был «переименован» в Волковая. Повесть насыщена философскими и нравственно-психологическими символами и олицетворениями, опирающимися на Священное Писание и святоотеческое Предание. Особенно много их в «детско-отроческой» части рассказа Запорожца: в то время его чистая душа ощущала присутствие Бога и обретала потребность в молитве. Важную роль в художественном мире повести играют образы-символы: поющий соловей, птицы, люди-мыши, «стеклянное» море, рыбы и дворцы из сна Зайчика.

Ключевые слова: Н. Н. Толстой, повесть «Пластун», поэтика, образ, мотив, символический подтекст, религиозно-философский аспект

Знаменитая династия Рюриковичей (см.: [5]; [6]), представители которой на протяжении многих веков служили России многочисленными талантами — святостью, безграничной смелостью при защите Отечества от недругов, умиротворением враждующих, разносторонними художественными дарованиями, в XIX веке прославила свой род братьями-писателями: талантливым старшим Н. Н. Толстым (1823–1860) и младшим — гениальным Л. Н. Толстым. Братья Толстые унаследовали от предков дар незаурядного художественного

таланта, воинскую доблесть и бесстрашие, обостренное чувство справедливости и аристократическую утонченность (см. об этом: [4, 6]). «...я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положенью», — писал Л. Н. Толстой в период работы над романом-эпопеей «Война и мир»¹. Его старший брат не оставил подобных высказываний, но всегда ощущал себя преемником многогранного наследия Рюриковичей, в том числе и духовного, что проявлялось как в его мечте объединить все человечество в братское сообщество на основах христианской любви², в его отзывчивости и глубокому уважению к людям независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, так и в чрезвычайно аскетическом образе жизни³.

С 1846 по 1858 гг. Н. Н. Толстой был участником Кавказской войны, и впечатления от длительного пребывания на Северном Кавказе послужили прекрасным материалом, положенным в основу его цикла рассказов «Охота на Кавказе» («Современник». 1857. Т. 61. № 2. С. 169–232) и повести «Пластун (Из воспоминаний пленного)», вышедшей в свет лишь спустя 66 лет после кончины Н. Н. Толстого⁴. С наибольшей силой его талант в изображении внутреннего мира и психологии человека проявился в повести «Пластун», которая осталась неизвестной ни Н. А. Некрасову, ни И. С. Тургеневу, ни П. В. Анненкову, ни А. А. Фету — литераторам, с восторгом встретившим «Охоту на Кавказе». Писатель Н. П. Смирнов, основатель и редактор альманаха «Охотничьи просторы», опубликовавший в 1955 году на его страницах отрывок из «Охоты на Кавказе» — «Кизлярские сады», — по достоинству оценил повесть «Пластун». Обращаясь к поэтике повести, Смирнов отметил, что «в “Пластуне” автор выявлял себя как литератор, уверенно владеющий не только мастерством описаний, но и мастерством психологически углубленных характеристик действующих лиц. “Пластун” отличается также плавным, уверенным развитием действия и обилием выразительных, быстро сменяющихся бытовых и жанровых картин. В повести целиком отразилось то богатейшее воображение Н. Н. Толстого, которым так восхищался его гениальный брат» [10].

Возможно, Н. Н. Толстой предполагал печатать повесть: в то время, когда он работал над ней, его имя как автора «Охоты на Кавказе» часто вспоминалось в литературных кругах журнала «Современник», и его собратья-писатели, прежде всего младший брат Л. Н. Толстой, несомненно, побуждали его продолжать идти по этой стезе.

В центре внимания русской литературы XIX века находится человек и его предназначение, цель и смысл человеческого бытия. В повести «Пластун» Н. Н. Толстой в изображении внутренней жизни главного героя следовал ключевому принципу творчества М. Ю. Лермонтова, выраженного в словах Печорина: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа»⁵. По степени психологизма, остроте сюжета, насыщенности содержания и многообразию проблематики художественный стиль Н. Н. Толстого очень близок лермонтовскому.

Следует отметить существенное влияние старшего брата на становление Л. Н. Толстого как писателя. Лев Николаевич признавался: «Если во мне есть что-нибудь хорошее, то всем, всем я обязан Николеньке» [12, 38], имея в виду большое нравственное и творческое воздействие на себя любимого брата. Талант Л. Н. Толстого в изображении тончайших изменений души в ее «диалектике», по точному определению Н. Г. Чернышевского, обнаружившийся с повести «Детство» и являющийся отличительной особенностью всего творчества великого писателя, развивался рядом с братом, который несколькими годами раньше заинтересовался историей души «кавказского» пленника (см. подробнее: [2]).

В 1846–1847 гг. Н. Н. Толстой жил в казачьей станице Карамык, находившейся в 12 километрах от Георгиевска, уездного города Ставропольского края, где он встретил человека, прожившего в плену всю жизнь и рассказавшего ему свою трагическую историю. Именно в это время была начата работа над произведением, которая продолжилась и после выхода Н. Н. Толстого в отставку в 1858 году. Писатель художественно обработал воспоминания пленника и придал им жанровую форму повести. Ее содержание не исчерпывается повествованием

о судьбе главного героя, но имеет глубокий философский подтекст, касающийся любого человека, на долю которого выпали сложные испытания, поставившие его перед выбором между добром и злом. Н. Н. Толстой подошел к этой проблеме с точки зрения христианского святоотеческого наследия:

Среди двух путей стоит человек, т. е. праведности и греха, и на какой хочет — вступает и идет по нему. Стезя же, которою он пошел, и ведущие его по ней, или Ангелы и люди о Боге, или демоны и злые люди доводят его до самого конца пути того <...>. Добрые — к Богу и в Царство Небесное, а грешные — к диаволу и в вечное мучение. Но никто не причиною погибели, как только своя воля...⁶

Эстетическая позиция Н. Н. Толстого, с детства впитавшего дух православия, выразилась в вышедшей из-под его пера исповеди страждущей души, осознающей свою греховную натуру и стремящейся к спасению.

Типичным явлением на Кавказской войне был захват детей горцев в плен русскими. Судьба одного из них стала темой поэмы «Мцыри» М. Ю. Лермонтова (см.: [3, 42]). Герой повести «Пластун» «родился в горах и маленьким перевезен на Кубань»⁷. В отличие от братаи монастыря Джвари в Грузии, приютившей похищенного ребенка из поэмы Лермонтова, чужая сторона враждебно приняла мальчика-пленника из повести Н. Н. Толстого. «Казачи-табунчики, с которыми я жил, звали меня татаринoм и обращались со мной грубо» (71), — рассказывал о своем детстве герой, у которого вместо имени — прозвища, отражающие периоды его жизни от раннего детства до зрелого возраста. Трагическую повесть о своей прожитой жизни рассказывает Запорожец, который в детстве и отрочестве был Зайчиком, в юности и молодости — Волковым.

Человек, жизнь которого сломана войной, — такова главная тема повести «Пластун». Н. Н. Толстой размышляет над сложнейшими вопросами войны и мира, в центре которых — проблемы чести и предательства, смелости и трусости, любви и ненависти, языческого мировидения и обретения веры в Бога. Они красной нитью проходят через весь рассказ Запорожца и насыщают его глубоким духовно-философским содержанием.

Особенностью выбранной Н. Н. Толстым формы повествования является присутствие в произведении двух рассказчиков: первый — это пленник («Из воспоминаний пленного» — таков подзаголовок «Пластуна»), второй — Н. Н. Толстой, оставивший себе роль повествователя, находящегося вне того мира, о котором он рассказывает.

Автор намеренно наделяет героя повести, простого, почти безграмотного человека, способностью к изящному выражению своих мыслей — описания мира животных и птиц, пейзажные этюды звучат на высокой поэтической ноте и показывают не только любовь героя к природе, но и осознание им того, что человек — ее органическая часть. Подобный прием наглядно отражает авторский эстетический идеал.

В повести «Пластун» Н. Н. Толстой проявил себя не только мастером художественного слова, но и историком. Повествуя о судьбе конкретного человека, автор не обходит вниманием и те исторические условия, при которых появлялись люди, оторванные от родины. Л. Н. Толстой в эпилоге рассказа «Севастополь в мае», посвященного событиям Крымской войны, размышлял: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны»⁸. Такая же трудность и неопределенность оценочных категорий представала и перед Н. Н. Толстым, когда он писал о жизни и злоключениях Запорожца. Он не оправдывает и не осуждает ни главного героя, ни черкесов, нападающих и на своих соплеменников, и на русских; ни казаков, ни кабардинцев, провозглашающих «газават», то есть войну с «гяурами», ни «кровоместников и гаджиретов»⁹ (83). Разнообразие жизней и судеб, понятий о добре и зле, уместившееся в его повести, — это «художественная правда истории» [8, 68]. Такое верное утверждение Л. Д. Опульской, определяющее главное содержание романа-эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого, применимо и к повести Н. Н. Толстого. Писатель собирал сюжет своего будущего произведения по крупицам, черпая свой материал из устных преданий, из бесед с людьми, встречавшимися ему на Кавказе, и вполне возможно, что не один человек поведал ему о «делах давно минувших дней».

В основу повести «Пластун» положены события Ермоловского периода покорения Кабарды и черкесов Причерноморья 1821—1825 гг. Наиболее ясно на это историческое время указывает следующий фрагмент рассказа главного героя:

Последнюю зиму, что я жил на хуторе, очень много гаджиретов приезжало к Аталыку; большая часть из них была кабардинцы. <...> Я помню, что они много жаловались на русских, особенно на генерала Ермолова (они звали его «Ермолай»), они рассказывали, какой он злой и жестокий человек, как он покорил Кабарду, как он приказал перебить даже жеребцов княжеских, и много другого, и слово к а з а в а т не замолкало в их разговоре. Это было, должно быть, лет 20 тому назад (83–84).

Недалеко от станицы Карамык, где начиналась военная служба Н. Н. Толстого, к юго-западу находится Пятигорье — историческая родина черкесов, кабардинцев, бжедухов, шапсугов, абадзехов и других северокавказских народностей. Ко времени приезда Н. Н. Толстого в Карамык воинственное население Кавказской губернии¹⁰ при участии горцев Кабарды и Черкесии, земли которых были в непосредственной близости, постоянно совершало набеги на казачьи станицы; казаки противостояли вероломству соседей и тоже нападали на них. Следствием этого были пленные и в горских аулах, и в станицах. «Я хочу хорошо изучить Кавказ», — писал Н. Н. Толстой младшему брату в мае 1846 года [9, 28]. Художественное мастерство Н. Н. Толстого в изображении войны состояло в подлинности описания внутреннего, духовного разлада человека, встречающегося с такими же, как и он, людьми, втянутыми во враждебные отношения друг с другом. Это позволяет определить задачу повести Н. Н. Толстого словами А. А. Фета: «Выворотить историческое событие наизнанку и рассматривать его не с официальной шитой золотом стороны парадного кафтана, а с сорочки, то есть рубахи, которая к телу ближе» [13, 379], — адресованными Л. Н. Толстому в июле 1866 года, во время его работы над «Войной и миром».

Композиция повести «Пластун» может быть условно поделена на этапы взросления героя. Начало воспоминаний Запорожца — детство и отрочество — самое невинное время, проведенное на лоне природы за любимым занятием — охотой.

Наставник называл его Зайчиком, потому что он «ходил в заячьем ергаке» (75). «Но тогда я сам был зверек» (75), — говорил Запорожец. Поэтический образ природы, частью которой ощущал себя мальчик Зайчик, овеян «чистотой нравственного чувства» героя [14, 57]. Заяцу, по наблюдениям людей, близких к природе и умеющих распознавать повадки животных, приписываются такие качества как ловкость, быстрота, сообразительность, и мальчик обладал ими. Мир людей был ему чужим, и только Аталыку, заботившемуся о сироте, учившему его охоте и воспитавшему своего «емчика» (т. е. питомца) бесстрашным, выносливым и сильным, в рассказе Запорожца уделено значительное внимание.

По-настоящему Зайчик любил и понимал только природу:

Ребенком я уже начал охотиться, жил охотой, и Бог дал мне охотничьи способности — верный глаз и тонкий слух. Это дал мне Бог, потому что он дает всякому, что ему нужно: зайцу, сайгаку Он дал крепкие ноги, мне Он дал ум <...>, маленькой птичке Он дал крепкие крылья, чтобы она могла улететь от зимы туда, где ей лучше <...>. Все это Бог сделал (79).

В детстве герой получил от Бога еще одно свойство — чувствительную душу, способную наблюдать повадки животных и различные состояния природы. Его любимым занятием было ползать, «словно зверек, на четвереньках <...> по мягкой травке, душистой и влажной от вечерней росы» (72). Из своей природной купели он слушает, как кричит перепел, свистит суслик, поет жаворонок, жалобно пищит ястребок; наблюдает, как греется на солнце подле него ящерица; как фазан «выскакивает из куста»; как выходит на охоту лиса (72—73).

Характерная черта художественного стиля Н. Н. Толстого — колоритное описание природы, соперничающее с кистью художника-пейзажиста. В первой части повести, где Запорожец рассказывает о детстве и отрочестве, особенно много красивейших картин природы. Н. Н. Толстой «отдает» свою роль повествователя главному герою, и авторские мысли и чувства, вызванные красотой флоры и фауны, сливаются с размышлениями Зайчика. Картины природы, созданные творческим воображением Н. Н. Толстого, приобретают признаки олицетворения.

Зайчик воспринимает птиц как близких ему существ, наделенных способностями мыслить, чувствовать, говорить с ним. Три соловья глубоко запали в восприимчивую душу мальчика:

...я узнавал каждого из них по голосу. Особенно я любил одного <...>. Бывало, когда солнце сядет и звезды зажигаются одна за другою <...>, я начинаю прислушиваться и ожидаю с нетерпением моего песельника. И вдруг он запоет и громким щелканьем и посвистом покроет все голоса и один как царь распевает, когда все молчит кругом. Мне нравился его звонкий, веселый и как будто гордый голос. Зимой, когда он улетал, я скучал по нем, как по товарище, весной <...>, только, бывало, услышу его голос, <...> я так рад, как будто нашел брата. Мне казалось, что я понимаю, что он поет; мне казалось, что он рассказывал мне, где он был, что он зовет меня туда, куда птицы улетают зимой, где нет зимы, где вечное лето, вечный день и вечное солнце светит на вечно зеленую степь (74).

Про «эту страну чудес» Зайчику рассказывали и ласточки, когда он «ложился спать под сараем вместе с птицами Аталыка» (74). Одиноким среди людей, герой находит пернатых собеседников и товарищей в лесу, в степи и даже «под сараем» своего наставника. Суровые условия быта воспитали в нем благодатную способность устремлять свои помышления к Раю, и соловей зовет его туда, где «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:4), — таков основной смысл содержания «детско-отроческой» части рассказа Запорожца. Согласно христианским представлениям, души праведников, стремившихся от тела «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1:23), уподоблялись соловьям и песнями выражали свою райскую радость. В образе соловья, песней зовущего к вечной жизни, актуализируется религиозное мировосприятие автора.

Мотив соловьиного пения в рассказе Запорожца о своем детстве появляется еще раз:

Вдруг я услышал соловья. Я обрадовался ему, как другу, это был знакомый голос, но и он пел не так, как соловей, которого я слышал прежде: голос его громче раздавался под густым сводом

деревьев, перекаты были сильнее, он, казалось, гордился своим зеленым дворцом и обширными владениями. Мне стало грустно, я вспомнил моего скромного ночного соловья (80).

В отличие от ночного соловья, пение которого услаждало душу мальчика и помогало забыть земную «юдоль печали», другой, дневной певец — глашатай земных радостей, неизвестных Зайчику, не радуется его своим гордым соловьиным гимном.

Стилистическая особенность повести Н. Н. Толстого заключается в том, что «детско-отроческая» часть рассказа Запорожца буквально пронизана символическими образами. Помимо рассмотренной выше «соловьиной» символики, представляет интерес сон Зайчика, выражающий его психологическое состояние. Во сне он видит себя «маленькой птичкой пливской¹¹» (74), летящей на спине большого журавля:

...мы летим через горы и внизу видны люди, маленькие и черные, как мыши; они роются в земле и достают золото и серебро и бросают в нас золотыми монетами, но монеты разлетаются в золотую пыль, и мы летим дальше и пролетаем ущелье между снежных гор. <...> ...мы летим через море, и море прозрачно, как стекло, и в нем гуляют рыбы в огромных дворцах из жемчуга и дорогих камней. И вдруг налетает белый сокол и бьет журавля, и я падаю, падаю... и просыпаюсь (74–75).

У славян журавли наравне с голубями, аистами и соловьями считаются «Божьими» птицами, символизирующими собой чистоту, начало новой жизни (см. напр.: [11, 51]). В кавказском фольклоре перелетные птицы, к которым относятся пливка и журавль, — «образ бесстрашия, удалства, геройства» [7, 280]. Полет во сне выражает сиротство и одиночество героя, его стремление покинуть мир людей, похожих на мышей. Копание «черных людей» в земле, золото и серебро в их руках — бесовская алчность и стремление к наживе. «Не собирайте себе сокровищ на земле <...>; Но собирайте себе сокровища на небе <...>; Ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21), — в таком евангельском смысле представляются рассыпающиеся в пыль земные сокровища, ничего не значащие для людей с чистыми душами. Образ прозрачного, как стекло, моря, увиденного Зайчиком,

отсылает к Апокалипсису апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу» (Откр. 4:6), что, по словам архиепископа Аверкия (Таушева), есть «души людей, не волновавшихся бурями житейского моря» [1, 102]. Рыбы, которых видит герой, символизируют христиан в раю: с первых веков христианства они олицетворяли учеников Христовых. «И увидел я новое небо и новую землю» (Откр. 21:1) — Небесный Иерусалим, где «основания стены города украшены всякими драгоценными камнями» (Откр. 21:19), «а двенадцать ворот — двенадцать жемчужин» (Откр. 21:21) — Зайчик, видящий подобные «дворцы из жемчуга и дорогих камней», словно находится в преддверии Рая. Сокол, убивающий журавля, и падение мальчика-птички вниз пророчески предсказывает будущее героя, его разбойничью жизнь — греховное падение, в состоянии которого он разучится понимать, «что говорит соловей, когда он поет, о чем разговаривают ласточки» (75).

Художественная ткань повести, как евангельским жемчугом, украшена размышлениями о Боге. Одухотворенность мира и природы неоднократно подчеркивается автором. В повести «звери и птицы молятся Ему <Богу>. Да, они молятся Ему, когда солнце взойдет и каждая птичка взмахнет крылом и запоеет, и каждый зверь <...> вздрогнет и подымет голову к небу, даже на дереве каждый листок зашевелится <...>. И это бывает каждое утро: каждое утро все, что живет, молится Богу...» (80). Это рассуждение Запорожца предельно точно воспроизводит смысл библейского гимна Богу: «Всякое дыхание да хвалит Господа» (Пс. 150:6), что подтверждается и словами Иоанна Богослова, который видел в Небесном Иерусалиме, как «всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землю, и на море <...>, говорило...» (Откр. 5:13).

Молитва Запорожца подобна славословию *всякого* живого дыхания:

Я сам никогда не молюсь, но это потому, что я не умею молиться, как молятся люди: я молюсь, как молятся звери и птицы. Говорят, оттого, что я не делаю намаз, не хожу ни в церковь, ни в мечеть, я не буду в раю. Я не знаю, что такое рай, не знаю, что

будет, когда я умру, но знаю, что я не виноват, что не умею молиться: меня никто этому не научил, когда я был молод (80).

Юный герой, не имеющий представлений о Боге, ощущает потребность в молитве. Состояние души, присущее Зайчику, а потом Запорожцу, издревле было знакомо ветхозаветным праведникам. «Дом веры есть младенческое понятие и простое сердце», — писал преп. Исаак Сирий¹².

Главный герой повести «Пластун» вступает в пору юности с приобретенными навыками ездить верхом, хорошо стрелять, на скаку арканить лошадей и быть бесстрашным в любых ситуациях: «Я был уже “хлопец моторный”, как говорят казаки <...>. Табунщики взяли меня с собой на зимовье» (84). В отличие от его детства и отрочества, когда он старался избегать общения с людьми и преимущественно занимался охотой, юность — это выход из природного «затвора» в активную, наполненную опасностями жизнь. Он начинает охотиться на более крупных и опасных животных — кабанов и волков. Конкретизируется топонимика: вместо мира дикой природы, который был основной средой обитания Зайчика, первые тропы юности приводят его в Черноморье и Дикое Поле — места разбоев и грабежей разноплеменного населения тех мест, странствующих пластунов и абреков. Природа перестает быть родным домом для юноши Волковой, и в его рассказе все чаще звучит мотив мертвенности природы и ее враждебности к человеку.

Злоключения молодости Запорожца, ушедшего от своей первозданной духовной чистоты «на страну далече» (Лк. 15:13), в юдоль греха, повторяют судьбу блудного сына из евангельской притчи. Композиция второй половины повести о юности и молодости героя построена так, что в центре оказывается конфликт совести с силами зла, заставляющими совершать набеги и кражи. С ранней поры он был убежден, что Бог милостив и «не мог сделать ни несчастья, ни зла» (93), что землю «Бог создал для их <людей> счастья. <...> А несчастье и зло сделали сами люди» (93). Это убеждение о милосердии Бога и о человеке как источнике зла выстрадано Запорожцем, жизнь которого уклонилась от всех моральных норм, и потому

повествование о прошлом пронизано этими рассуждениями, что придает рассказу исповедальный тон.

«Когда люди не знали ружей, они были лучше, крепче держались адата¹³ своих дедов и все было лучше; много зла сделали ружья» (77), — так поучал своего «емчика» Аталык. Воспоминания Запорожца об уроках наставника имеют гораздо больший смысл: здесь на уровне подтекста выражаются антивоенные взгляды автора.

В молодости Волковой пришел к забвению нравственных правил. Он был рад своей внешней воле, которая вместе с тем лишила его внутренней, духовной свободы — свободы от греха:

В то время я узнал, что на добром коне я действительно вольный человек, — «вольный казак!» как говорят казаки. Я и до сих пор сохранил эту волю, но теперь она меня тяготит, как убитый зверь, которого тащишь на плечах оттого только, что жаль бросить. А тогда я гордился этой волей (101).

Пройдя через испытания мнимой волей, Запорожец понимает, что он получил взамен: груз грехов в образе тяжелой «звериной» ноши за плечами. «Свобода воли горька грешникам» — это духовный закон, нарушение которого ведет к тягостному состоянию¹⁵.

Главная авторская мысль, имплицитно выраженная в повести «Пластун», — война порождает ответный бунт и в человеке, и в природе. Один из наиболее выразительных художественных образов бунтующей против человека природы, созданных Н. Н. Толстым в повести, — это табун диких лошадей. Мастерски изображенная динамичная картина скачущих коней является иносказательной формой выражения авторской мысли о мщении сил природы человеку, вносящему диссонанс в установленный Богом Промысел о мире. Во время охоты на лис Волковой попадает в смертельно опасную ситуацию:

...я <...> заметил, что лошадь моя что-то беспокоится, прядет ушами, фыркает и оглядывается. — Вдруг она заржала. Это был жалобный, как будто человеческий крик, полный такого страха, что я вздрогнул. Не успел я оглянуться, как раздался другой, пронзительный визг; это было тоже ржанье. Я слышал гиканье

горцев, стон умирающих, вой волков в бурную зимнюю ночь, но такого пронзительного и страшного крика никогда не слышал; как вспомню, так теперь мороз пробежит по коже. Я обернулся. Табун рысью выбежал из-за кургана; земля дрожала под их ногами. Впереди неся жеребец, фыркающая и взвизгивая, подняв голову, вытянув шею, разметав гриву и хвост. Я ударил лошадь плетью, она поскакала, но дикий жеребец и за ним весь табун догоняли меня. Я помню, как стонала земля, как ржали и фыркали бешено лошади, слышал, как тяжело дышал и водил боками мой измученный конь, который, прижав уши, неся как стрела, но было уже поздно. Все ближе и ближе скакал за мною бешеный жеребец. Я чувствовал его влажное и жаркое дыхание, чувствовал, что он несколько раз уже хватал меня за плечо зубами. <...> Бешеное животное ударило передними копытами по седлу <...>. Больше я ничего не помню; я упал на спину, небо кружилось у меня в глазах, я умирал! (113–114).

Падение героя под копыта диких лошадей связано с тем, что случилось в детском сне с маленькой птичкой-Зайчиком, летевшей на журавле к Раю, но упавшей на землю в его преддверии.

Тема свободы выбора человека между добром и злом, лежащая в основе повести Н. Н. Толстого, волновала и продолжает волновать многих художников и мыслителей с давних времен. «Отец Небесный иных носит на руках, иных оставляет собственному произволу для упражнения сил, впрочем, так, что всегда вспомоществует труждающемуся, слышит призывающего, не оставляет ищущего Его» — это изречение IV века очень верно отражает проблему, поднятую Н. Н. Толстым в повести «Пластун»¹⁵.

Таким образом, небольшая по объему, но глубокая по содержанию повесть «Пластун» поднимает вечные вопросы человеческого бытия, которые решаются Н. Н. Толстым в религиозно-философском ключе. Тонкое художественное чутье автора стремилось понять психологию человека в условиях войны, нарушающего гармонию своей собственной души и вносящего зло в мир, созданный Творцом для радости всех живущих в нем. Система образов повести (образы природы, птиц, животных) во многом определяет ее поэтику и выявляет символический подтекст произведения. Авторская

интенция направлена не только на изображение внутреннего мира героя, но и природы, становящейся враждебной по отношению к человеку, нарушающему ее гармонию.

Творчество Н. Н. Толстого, обойденное вниманием критиков и литературоведов, заслуживает пристального внимания и всестороннего изучения.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 13. С. 239.
- ² Л. Н. Толстой увековечил эту сказку-притчу «Николеньки» в «Воспоминаниях»: «Так вот он-то, когда нам с братьями было — мне 5, Митиньке 6, Сереже 7 лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. <...> И я помню, что слово “муравейные” особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. <...> Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 34. С. 386).
- ³ «То смиреніе передъ жизнью, <...> которое Левъ Толстой развиваетъ теоретически, братъ его примѣнилъ непосредственно къ своему существованію. Онъ жилъ всегда въ самой невозможной квартирѣ, чуть не въ лачугѣ, гдѣ нибудь въ отдаленномъ кварталѣ Москвы, и охотно дѣлился всѣмъ съ послѣднимъ бѣднякомъ», — говорил о Н. Н. Толстом И. С. Тургенев (Гаршинъ Е. М. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ // Историческій Вѣстникъ. С.-Петербургъ: Тип. А. С. Суворина, 1883. Т. XIV. № 11. С. 388).
- ⁴ Впервые повесть «Пластун» была опубликована в №№ 5 (С. 122–140) и 7 (С. 125–163) журнала «Красная новь» за 1926 год. Подготовлена к изданию А. Е. Грузинским. Все произведения Н. Н. Толстого: «Охота на Кавказе», «Пластун», незаконченные очерки «Весенние поля» и «Заяц» — последний раз публиковались в сборнике: Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. 191 с.
- ⁵ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Воскресенье, 2002. Т. 6. С. 261.
- ⁶ Петр Дамаскин, сщмч. Творения // Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли: в 12 т. М.: Московская духовная академия; Введенская Оптина Пустынь, 2007. Т. 9. С. 242.
- ⁷ Толстой Н. Н. Пластун // Толстой Н. Н. Сочинения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1987. С. 71. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

- ⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. / РАН Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 2002. Т. 2 (2). С. 130.
- ⁹ Гаджиреты — «удальцы-полуразбойники, отбившиеся от родных аулов и игравшие роль хищников и у горцев, и у русских» (83) — (прим. Н. Н. Толстого).
- ¹⁰ Эта территория в 1847 году была преобразована в Ставропольскую губернию.
- ¹¹ Плиска — желтая трясогузка, самая маленькая представительница семейства трясогузковых. Ее длина — 15—16 см, вес — около 17 г.
- ¹² Исаак Сирин, преп. Слова подвижнические // Сокровищница духовной мудрости... Т. 2. С. 353.
- ¹³ Адат — обычай (77) — (прим. Н. Н. Толстого).
- ¹⁴ Ефрем Сирин, преп. Творения // Сокровищница духовной мудрости... Т. 2. С. 497.
- ¹⁵ Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания // Сокровищница духовной мудрости... Т. 8. С. 484.

Список литературы

1. Аверкий (Таушев), архиеп. Серафим (Роуз), иером. Апокалипсис в учении древнего христианства: толкование / редакция, прим., вступит. статья и жизнеописание автора о. Серафима (Роуза). Пер. с англ. — М.: Русский паломник, 2008. — 272 с.
2. Белоусова Е. В. Нравственное влияние Н. Н. Толстого на младшего брата (по материалам дневника и переписки Л. Н. Толстого) // Вестник ТГУ. — Томск, 2016. — № 409. — С. 5–13.
3. Белоусова Е. В. Образ Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова и братьев Толстых // М. Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы: материалы международной научно-практической конференции 18–19 июня 2011 г. — Ереван, 2011. — С. 30–48.
4. Белоусова Е. В. Святые Рюриковичи в родословной Волконских-Толстых // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого: материалы XV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). — Великий Новгород, 2016. — № 3 (94). — С. 5–9.
5. Власьев Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Князья Черниговские. — СПб., 1906. — Т. 1: в 2 ч. — Ч. 1. — 667 с.
6. Волконская Е. Г. Род князей Волконских. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1900. — 980 с.
7. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. — М.: Наука, 1981. — 303 с.
8. Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». — М.: Просвещение, 1987. — 176 с.
9. Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями / вступ. ст. Л. Д. Опульской; сост., подгот. текста и коммент. Н. А. Калининой, В. В. Лобзяковой, Т. Г. Никифоровой. — М.: Худож. лит., 1990. — 543 с.

10. Смирнов Н. П. Н. Н. Толстой и его творчество: литературные заметки // Охотничьи просторы. — М., 1955. — Кн. 5 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2015 (10.06.2017).
11. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 163 с.
12. Толстая С. А. Материалы к биографии Л. Н. Толстого и сведения о семействе Толстых и преимущественно графа Льва Николаевича Толстого // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 1. — 621 с.
13. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 1. — 495 с.
14. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения: в 2 т. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. — Т. 2. — 804 с.

Elena V. Belousova

*Yasnaya Polyana Museum-Estate of Leo Tolstoy
(Yasnaya Polyana, Tula region, Russian Federation)*

helenyaspol@yandex.ru

THE POETICS OF N. N. TOLSTOY'S LONG SHORT STORY "PLASTUN"

Abstract. The article presents the analysis of the main problems of the long short story "Plastun" by Nikolay Tolstoy (the elder brother of Leo Tolstoy), that is the life of a man kidnapped during the Caucasus War and forced to live all his life in captivity. In the centre of narration there is a real man though described as a generalized character as far as he does not have a personal name. Different periods of his life are marked by certain nicknames, such as Zaychik-Volkovoy-Zaporozetz. The main character tells the listener Tolstoy N. N., who shows the interest and compassion to his life, the story of his childhood and youth. As a child his nickname was a Zaychik. As an adult he became an experienced hunter and an expert in animal habits the fact that explains his new nickname – Volkovoy. The composition of the long short story is full of philosophical, psychological and ethic symbols and personifications, based on Sacred Writings and the Patristic Tradition. The childhood-youth part of the short story is particularly symbolic as then the virgin soul of the hero felt the presence of God and strived to pray. The images-symbols play an important role in the artistic world of the short story: a singing nightingale, birds, men-mice, the "glass" sea, fish and palaces in the Zaychik's dreams.

Keywords: N. N. Tolstoy, "Plastun", long short story, poetics, image, motive, symbolical implication, religious and philosophical aspects

References

1. Averkiy (Taushev), archbishop. Serafim (Rouz), hieromonk. *Apokalipsis v uchenii drevnego khristianstva: tolkovanie* [Apocalypse in the Teachings of Ancient Christianity: Interpretation]. Moscow, Russkiiy palomnik Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
2. Belousova E. V. N. N. Tolstoy's Spiritual Influence on His Junior Brother (Based on the Materials of L. N. Tolstoy's Diary and Correspondence). In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. Tomsk, 2016, no. 409, pp. 5–13. (In Russ.)
3. Belousova E. V. The Image of the Caucasus in the Works of M. Yu. Lermontov and the Brothers Tolstoy. In: *M. Yu. Lermontov: russkaya i natsional'nye literatury: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 18-19 iyunya 2011 g.* [M. Yu. Lermontov: Russian and National Literature: Materials of the International Scientific and Practical Conference on June 18–19, 2011]. Erevan, 2011, pp. 30–48. (In Russ.)
4. Belousova E. V. The Saints Rurikovich in the Family Tree of Volkonsky-Tolstoy. In: *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniya» («Nikitskie chteniya»)* [Bulletin of Yaroslav the Wise Novgorod State University: Materials of the 15th International Scientific Conference “Spiritual Principles of Russian Art and Enlightenment” (“Nikitsky Readings”)]. Novgorod the Great, 2016, no. 3 (94), pp. 5–9. (In Russ.)
5. Vlas'ev G. A. *Potomstvo Ryurika: materialy dlya sostavleniya rodosloviy. Knyaz'ya Chernigovskie* [Descendants of Rurik: Materials for the Compilation of Genealogic Table. Princes of Chernigov]. St. Petersburg, 1906, vol. 1: in 2 parts. Part 1. 667 p. (In Russ.)
6. Volkonskaya E. G. *Rod knyazey Volkonskikh* [The Princes Volkonsky Dynasty]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevych's Printing House, 1900. 980 p. (In Russ.)
7. Dalgat U. B. *Literatura i fol'klor: teoreticheskie aspekty* [Literature and Folklore: Theoretical Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 303 p. (In Russ.)
8. Opul'skaya L. D. *Roman-epopeya L. N. Tolstogo «Voyna i mir»* [The Epic Novel of Leo Tolstoy “War and Peace”]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 176 p. (In Russ.)
9. *Perepiska L. N. Tolstogo s sestroy i brat'yami* [L. N. Tolstoy's Correspondence with His Sister and Brothers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 543 p. (In Russ.)
10. Smirnov N. P. N. N. Tolstoy and His Work: Literary Notes. In: *Okhotnich'i prostory*. Moscow, 1955, book 5. Available at: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2015 (accessed 10.06.2017) (In Russ.)

11. Tokarev S. A. *Religioznye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov XIX — nachala XX v.* [*Religious Beliefs of the East Slavic Peoples 19th — Early 20th Century*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 163 p. (In Russ.)
12. Tolstaya S. A. Materials for the Biography of Leo Tolstoy and Information About the Family of the Tolstoy and Mainly the Count Leo Nikolaevich Tolstoy. In: *L. N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*L. N. Tolstoy in the Memories of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 1. 621 p. (In Russ.)
13. Tolstoy L. N. *Perepiska s russkimi pisatelyami: v 2 tomakh* [*Correspondence with Russian Writers: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 1. 495 p. (In Russ.)
14. Chernyshevskiy N. G. *Izbrannye filosofskie sochineniya: v 2 tomakh* [*Selected Philosophical Works: in 2 Vols*]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1950. 804 p. (In Russ.)